

«Общая методология гуманитарных наук» Н.И. Кареева и преподавание методологии истории в высшей школе: диахронический и синхронический контекст

Алексей В. Малинов

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия;*

*Социологический институт – филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия; a.v.malinov@gmail.com.*

Евгения А. Долгова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, medievalis@list.ru*

Аннотация. Цель статьи – исследование диахронического и синхронического интеллектуального контекста написания одной из последних монографий историка, социолога, методолога науки Николая Ивановича Кареева (1850–1931) «Общая методология гуманитарных наук». Работа была написана в конце 1910-х – начале 1920-х гг. и не была издана в силу цензурных ограничений. Черновики и типографские гранки монографии хранятся в личном фонде Н.И. Кареева в Научно-исследовательском Отделе рукописей Российской государственной библиотеки. «Общая методология гуманитарных наук» резюмирует методологические изыскания ученого и одновременно является учебным курсом, написанным для факультета общественных наук постреволюционного Петроградского университета. Текст курса удачно вписывается и в новые практики преподавания гуманитарных дисциплин в реформированных вузах (факультеты общественных наук), и в проблемное поле методологических поисков «старой профессуры», продолжающих, с одной стороны, их дореволюционные исследования, а с другой – столкнувшихся с «кризисом метода» в гуманитарной научной мысли. Авторы статьи обращаются к традиции преподавания методологии истории, обозначенной в работах как предшественников Н.И. Кареева – А.С. Лаппо-Данилевского, К.Н. Бестужева-Рюмина, В.И. Ламанского и др., так и его современников – П.А. Сорокина, Л.П. Карсавина, С.Л. Франка, Р.Ю. Виппера. Делается вывод о том, что, несмотря на то, что книга Н.И. Кареева оригинальна, она отсылает, скорее, к сциентистским установкам XIX в., чем соответствует теоретико-методологическим поискам периода кризиса позитивизма.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, методологическое наследие, «Общая методология гуманитарных наук», интеллектуальный контекст, позитивизм, критицизм

Для цитирования: Малинов А.В., Долгова Е.А. «Общая методология гуманитарных наук» Н.И. Кареева и преподавание методологии истории в высшей школе: диахронический и синхронический контекст // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 3. С. 48–59. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-48-59

«The General methodology of the Humanities»
by Nikolay Kareev
and teaching methodology of history in high school:
diachronic and synchronic context

Alexey V. Malinov

*Saint Petersburg State University; Sociological Institute –
Branch of the FNISTS RAS; a.v.malinov@gmail.com.*

Evgeniya A. Dolgova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; medievalis@list.ru

Abstract. The purpose of the article is to study the diachronic and synchronic intellectual context of writing one of the last monographs of the historian, sociologist, methodology of science Nikolai Ivanovich Kareev (1850–1931) “The General methodology of the Humanities”. The work was written in the late 1910s–early 1920s and was not published due to censorship restrictions. Its text is held in the Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. The book summarizes the methodological research of Nikolay Kareev. The course fits well into the new practice of teaching humanities in reformed universities (faculties of social sciences) and in the field of methodological research of the “old professors” in 1920s. The article aims to study the diachronic and synchronic intellectual context of this book. The authors turn to the tradition of teaching the methodology of history, designated in the works as the predecessors of Nikolay Kareev (A.S. Lappo-Danilevsky, K.N. Bestuzhev-Ryumin, V.I. Lamansky, etc.), and his contemporaries (P.A. Sorokin, L.P. Karsavin, S.L. Frank). They conclude that despite the “General Methodology” being an original course. Text solved different problems of the humanities from the point of view of positivism and corresponded to the methodology of XIX century, rather than theoretical and methodological search of the period of the crisis of positivism.

Keywords: Nikolay Kareev, the methodological heritage, “the General methodology of the Humanities,” the intellectual context, positivism, criticism

For citation: Malinov AV., Dolgova EA. "General methodology of Humanities" by Nikolay Kareev and teaching methodology of history in higher education: diachronic and synchronic context. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2019;3:48-59. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-3-48-59

Введение

Творчество историка, социолога, методолога науки Н.И. Кареева (1850–1931) в советский период его деятельности является любопытной фокусной точкой изучения проблемы трансформации/преемственности дореволюционной традиции преподавания методологии истории в высшей школе. Одним из неизученных, но актуализированных в этом отношении источников остается неопубликованный труд ученого «Общая методология гуманитарных наук», сохранившийся в виде рукописных черновиков, машинописных версток и типографских гранок в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки¹. Лекционный курс «Общая методология гуманитарных наук» был одним из последних, прочитанных Н.И. Кареевым в Петроградском университете – почти синхронно с написанием курса университет перестал носить название «Императорского» и быть «столичным», но инерционно продолжал восприниматься как таковой – как безусловно классический, гарантирующий качество и строгость преподаваемых в нем идей. Именно поэтому так важно внимание к указанному курсу: будучи безусловным интеллектуальным наследием петербургской школы историков, он – важный источник по истории гуманитарного знания в указанный период. Курс удачно вписывается и в новые практики преподавания гуманитарных дисциплин в реформированных вузах (факультеты общественных наук), и в проблемное поле методологических поисков «старой профессуры», продолжающих, с одной стороны, их дореволюционные искания, а с другой – столкнувшихся с «кризисом метода» в гуманитарной научной мысли.

Подготовленный к печати в 1922 г. учебный курс «Общая методология гуманитарных наук» в силу обстоятельств не был опубликован; фрагменты его изданы лишь недавно². Объем работы значи-

¹ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки. Ф. 119. К. 39. Д. 1–15.

² Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук / Подгот. А.В. Малинов // Вече: Журнал русской философии и культуры. Вып. 22. СПб., 2011. С. 147–174; *Он же*. Понятие науки и классификация наук /

телен. Текст работы включает «Введение» и 7 глав, состоящих из 400 параграфов:

- 1) «Понятие науки и классификация наук»,
- 2) «Логические предпосылки всякой методологии»,
- 3) «Гуманитарные науки, их классификация и методология»,
- 4) «Непосредственное наблюдение и констатирование фактов в гуманитарных науках»,
- 5) «Научная работа в области исторических повторений»,
- 6) «Теоретические гуманитарные науки»,
- 7) «Нормативное и прикладное знание в гуманитарных науках» [подробнее см. 1].

К «Общей методологии...» в НИОР РГБ приложены примечания, библиография, материалы к работе – выписки Н.И. Кареева из трудов по истории, социологии и психологии, а также список социологических работ автора. История создания текста «Общей методологии» и конкретные обстоятельства подготовки его к печати уже рассматривались [1]. В данной статье предлагается обратиться к диахроническому и синхроническому интеллектуальному контексту написания работы.

В университете Н.И. Кареев возглавлял кафедру всеобщей истории и был известен как специалист по истории Европы в Новое время, в том числе по истории Французской революции. В то же время его исследовательская деятельность не ограничивалась чисто историческими работами. Начиная с докторской диссертации «Основные вопросы философии истории» (1883 г.), он опубликовал ряд сочинений философско-исторической направленности. Более того, Н.И. Кареев, вероятно, первым поставил задачу дать обоснование статуса философии истории как самостоятельной научной и учебной дисциплины [2 с. 159]. Курс «Общая методология гуманитарных наук» стал первым и единственным «философским» предметом, прочитанным Н.И. Кареевым в Петроградском университете. Однако он не был случайным эпизодом в его научной карьере, поскольку во многом подводил итог его философско-историческим и социологическим исследованиям. Одновременно на изменение вектора научных изысканий исследователя оказа-

Подгот. А.В. Малинов // Клио: Журнал для ученых. 2013. № 2. С. 28–34; «Понять чужую душу»: Фрагменты из неопубликованного труда историка, социолога, методолога науки Н.И. Кареева / Подгот. Е.А. Долгова, А.В. Малинов // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 236–247; Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Гл. 2: Логические предпосылки всякой методологии / Подгот. А.В. Малинов, Е.А. Долгова // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 327–365.

ли влияние и внешние факторы. В анкете, заполненной в 1923 г., Н.И. Кареев подчеркивал, что наиболее подходящей для себя работой он считает «методологическую»³. Хотя под этим в графе анкеты подразумевалась исследовательская работа в целом, без уточнения научной специализации (альтернативами были «организационная» и «административная» работа), там же ученый подчеркивал, что после 1914 г. для него как специалиста по всеобщей истории в силу отсутствия заграничных командировок оказались ограничены возможности ведения конкретно-исторических исследований⁴.

Сам же курс был написан ученым казуально. В мемуарах сам Н.И. Кареев признавался, что после смерти в начале 1919 г. А.С. Лаппо-Данилевского ему был поручен курс «Методологии истории», который с 1906 г. на историко-филологическом факультете Петербургского/Петроградского университета вел его младший коллега⁵. Из этого курса и выросла «Общая методология гуманитарных наук». Читавшийся А.С. Лаппо-Данилевским курс «Методологии истории» был трехгодичным. Работа же Н.И. Кареева над лекциями совпала как с преобразованием самого Петроградского университета, когда был закрыт историко-филологический факультет и сформирован факультет общественных наук, так и с отъездом Н.И. Кареева в Смоленскую губернию из голодного Петрограда, т. е. вынужденным перерывом в преподавании.

Едва ли стоит искать преемственность между преподаванием такого «философского» курса А.С. Лаппо-Данилевским и Н.И. Кареевым. «Методология истории» А.С. Лаппо-Данилевского, известная в трех редакциях (1909, 1910–1913, 1923), фактически представляла собой теорию исторического познания, которая, по мысли ее автора, должна была стать основой теории обществоведения. Н.И. Кареев, предлагая «Общую методологию гуманитарных наук», на первый взгляд реализует программу своего предшественника. Однако это верно лишь «на первый взгляд», даже несмотря на его утверждения о том, что книга «выполнена в духе гносеологии критической философии» и стоит на «точке зрения гносеологического позитивизма»⁶. Последнее выражение более точно передает исследовательскую позицию Н.И. Кареева. Предложенная им методология следует основным постулатам позитивизма, причем в его контовском варианте, который еще на исходе XIX века выглядел старомодным, а к началу третьего десятилетия XX в. воспри-

³ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 14. Оп. 1. Д. 8612. Л. 340.

⁴ Там же. Л. 342–343.

⁵ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. С. 285.

⁶ Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. С. 153.

нимался явным анахронизмом. К этому времени теоретическая рефлексия в исторической науке и гуманитаристике в целом уже опробовала методологию и неокантианства, и герменевтики, и феноменологии, и марксизма, и второго позитивизма. Так, например, в русле эмпириокритицизма были построены теоретико-методологические и философско-исторические опыты Р.Ю. Виппера. А.С. Лаппо-Данилевский, критически переосмыслив некоторые положения позитивизма, активно использовал неокантианскую терминологию. Конечно, предложенный позитивизмом идеал истории как науки сохранял свою онтологическую привлекательность, убеждая историков в том, что они познают мир таким, каков он есть (или был) на самом деле, т. е. что история способна производить истинное знание и имеет дело с самой истиной. Однако даже с точки зрения истории как науки реализуемая Н.И. Кареевым методологическая программа отсылала, скорее, к сциентистским установкам XIX в., чем соответствовала теоретико-методологическим поискам века XX. Позитивистскую ориентацию методологического курса подтверждает и его содержательная близость к «Общим основам социологии», изданным Н.И. Кареевым как раз в 1919 г.⁷ Впрочем, в конкретно-исторических исследованиях самого Н.И. Кареева позитивистская методология работала вполне эффективно, что лишь укрепляло его в правильности выбранной позиции. В своем курсе ученый, вероятно, не только теоретизировал и философствовал на заданную учебной программой тему, но и опирался на свой исследовательский опыт. Конечно, было бы неверно считать Н.И. Кареева исследователем, окончательно законевающим в правоверном позитивизме. Даже его самоидентификация с «субъективной школой» в русской социологии указывает на восприимчивость и других философских тенденций, в частности кантианства. По отношению к Н.И. Карееву вполне справедливо утверждение, что он был «склонен к прагматически-познавательному эклектизму» [3 с. 63].

Невозможность установить преемственность между курсами А.С. Лаппо-Данилевского и Н.И. Кареева состоит не только в том, что подход Н.И. Кареева был, скорее, «шагом назад» по сравнению с «методологией» А.С. Лаппо-Данилевского, более успешно пытавшегося интегрировать новейшие достижения социо-гуманитарных наук в свое учение. Н.И. Кареев был старше своего предшественника и не без основания был готов считать А.С. Лаппо-Данилевского если и не своим учеником, то по крайней мере «слушателем». Со своей стороны А.С. Лаппо-Данилевский едва ли признавал себя «учеником» Кареева не только в силу институциональных и дис-

⁷ Кареев Н.И. Общие основы социологии. Пг., 1919.

циплинарных различий, но и потому, что не воспринимал философско-исторические и социологические работы Н.И. Кареева в качестве образца, которому стоит следовать. Ссылки на исследования Н.И. Кареева в работах А.С. Лаппо-Данилевского встречаются редко, а контекст их упоминаний как раз показывает, что А.С. Лаппо-Данилевский не считал его сильным теоретиком. В период работы над «Общей методологией гуманитарных наук» Н.И. Кареев обратился к методологическому наследию А.С. Лаппо-Данилевского, о чем свидетельствует его статья в «Русском историческом журнале», посвященной памяти ушедшего из жизни историка⁸, и параграф о А.С. Лаппо-Данилевском в рукописи «Основы русской социологии», над которой он работал в 1920-е гг.

В свою очередь и методологические искания А.С. Лаппо-Данилевского не имели предшественников в Петербургском университете. Его непосредственный учитель Е.Е. Замысловский не проявлял интереса к философии. Оценивший философскую склонность А.С. Лаппо-Данилевского К.Н. Бестужев-Рюмин уже оставил преподавание в университете, а его собственные теоретико-методологические взгляды были разбросаны в виде наблюдений или критических замечаний (как правило, это была критика «государственной школы») в рецензиях, «введениях», «исторических портретах» и многочисленных статьях. Домашние беседы молодого историка с К.Н. Бестужевым-Рюминым могли поддерживать его теоретический интерес, но не могли сформировать систематические взгляды. Философско-исторические предпочтения самого К.Н. Бестужева-Рюмина были далеки от систематической завершенности. Из преподававших в те годы на историко-филологическом факультете Петербургского университета профессоров вполне определенную философско-историческую концепцию предложил лишь В.И. Ламанский, бывший деканом в пору студенчества А.С. Лаппо-Данилевского. В.И. Ламанский разработал оригинальное историософское учение о трех цивилизационных мирах, развивавшее идеи славянофилов [4]. Убедленным славянофилом был и профессор О.Ф. Миллер, руководивший Студенческим научно-литературным обществом, в котором проходило научное становление А.С. Лаппо-Данилевского. Однако молодой ученый не стал славянофилом. В.И. Ламанский и О.Ф. Миллер оказали на него влияние скорее как личности, а не ученые. К ним Лаппо-Данилевский до конца жизни сохранял глубокое уважение.

Фигура К.Н. Бестужева-Рюмина тем не менее имеет принципиальное значение для той исследовательской традиции, к кото-

⁸ *Кареев Н.И.* Историко-теоретические труды А.С. Лаппо-Данилевского // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 112–131.

рой принадлежал А.С. Лаппо-Данилевский. Именно с К.Н. Бестужева-Рюмина задается преемственность, которая позволяет уже говорить о петербургской исторической школе», в том числе и в смысле определенных методологических установок. Кареев же, сложившийся как ученый в «школе В.И. Герье», в этом отношении стоял в стороне. К.Н. Бестужев-Рюмин пришел в Петербургский университет в 1865 г., через три года после оставления кафедры Н.И. Костомаровым. Надо признать, что роль К.Н. Бестужева-Рюмина в формировании схолярной традиции в Петербургском университете занижается. Определенная вина здесь лежит на его ученике С.Ф. Платонове, претендовавшем на лидерство среди столичных историков в качестве главы «научной школы».

В Петербургском университете мы видим также перерыв в преподавании теории и методологии истории. Первый философско-исторический курс «Историомантия в ее связи с общим развитием цивилизации» читал в 1860–1861 гг. М.М. Стасюлевич, вскоре университет покинувший. Изданный им затем «Опыт исторического обзора главных систем философии истории»⁹ представлял собой историю философии истории. Можно предположить, что М.М. Стасюлевич знакомил студентов с вопросами теории и методологии истории, раскрывая перед ними картину смены философско-исторических концепций. Занимавший кафедру всеобщей истории М.М. Стасюлевич, читал курсы по античной истории и медиэвистике, в частности, «История средних веков от крестовых походов до XVI столетия» (1853–1856) и «История средних веков (по отдельным периодам)» (1858–1861), в которых также касался философско-исторических вопросов. По крайней мере издания этих курсов содержат обширные теоретико-методологические введения, в которых рассматривались цели, задачи, методы истории, а также вопросы методики преподавания¹⁰. Однако говорить о влиянии М.М. Стасюлевича на методолого-исторические построения А.С. Лаппо-Данилевского не приходится. В последней редакции «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского, вышедшей уже после смерти ученого, материал расположен также в виде обзора философских и теоретико-исторических учений. Однако причина такой компоновки скорее методическая и пропедевтическая. А.С. Лаппо-Данилев-

⁹ *Стасюлевич М.М.* Опыт исторического обзора главных систем философии истории. СПб., 1866. 506 с.

¹⁰ *Стасюлевич М.М.* Общий курс истории средних веков. СПб.: В тип. Импер. акад. наук, 1856. 320 с.; *Он же.* История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. Т. 1. СПб.: В тип. Иосафата Огризко, 1863. 784 с.; Т. 2. СПб.: В тип. Рогальского и К^о, 1864. 698 с.

ский, желая избежать догматизма, предпочитал излагать свой курс в историческом ключе.

В Петербургском университете за шесть десятилетий (с 60-х годов XIX в.), т. е. на протяжении жизни двух поколений ученых, мы видим несколько самостоятельных, отдельных попыток теоретико-методологического осмысления исторической науки, которые так и не сложились в традицию. Отчасти это вызвано внешними причинами (запрет на преподавание философии в 1850 г., закрытие университета в начале 1860-х гг.), отчасти открытостью историко-филологического факультета различным традициям и направлениям. Так, например, К.Н. Бестужев-Рюмин и Н.И. Костомаров были выпускниками Московского университета (причем К.Н. Бестужев-Рюмин окончил юридический факультет), И.И. Срезневский и Н.И. Костомаров – Харьковского университета, М.И. Владиславлев и Ф.Ф. Сидонский учились в Петербургской духовной академии и т. д. Следствием такого развития стала «относительная аморфность петербургской исторической школы» [5 с. 358], как бы обидно это ни звучало.

Помимо диахронического контекста работы Н.И. Кареева над «Общей методологией гуманитарных наук», пожалуй, больший интерес представляет контекст синхронический. Укажем лишь исследования, тематически пересекающиеся с кареевскими поисками, вышедшие в те же годы. Из коллег по Петроградскому университету надо в первую очередь назвать Л.П. Карсавина, опубликовавшего в 1920 г. «Введение в историю (теория истории)», а перед высылкой из Советской России завершившего работу над одним из своих главных произведений – «Философией истории», изданной в Берлине в 1923 г. В 1922 г. в Москве был отпечатан небольшой «Очерк методологии общественных наук» С.Л. Франка, выросший из курса лекций в Саратовском университете, куда Франк переехал из Петрограда в 1917 г., и в Институте народного хозяйства. Философско-исторические взгляды Л.П. Карсавина и С.Л. Франка надо признать крайней оппозицией подходу Кареева. Более того, Франк прямо обрушивается с критикой на те философские принципы, которые Кареев положил в основу своей «Общей методологии». Негативна была и реакция Н.И. Кареева, выступившего в печати с резкой критикой опубликованной работы С.Л. Франка¹¹. Более близкую позицию Карееву занимал П.А. Сорокин, опубликовавший в 1920 г. двухтомную «Систему социологии», которую в 1922 г. защитил в качестве магистерской диссертации (учитывая, конечно, тот факт, что работа была написана в большей степени

¹¹ Кареев Н.И. Метафизик о «Методологии общественных наук» // *Анналы: журнал всеобщей истории*. 1922. № 9. С. 267–271.

под влиянием механистических идей коллективной рефлексологии В.М. Бехтерева). Н.И. Кареев принимал непосредственное участие в этой защите – как благожелательный оппонент молодого социолога. В 1923 г. стараниями учеников и друзей была издана уже упоминавшаяся неоконченная новая редакция «Методологии истории» Лаппо-Данилевского. В том же году Р.Ю. Виппер опубликовал книгу «Круговорот истории», развивая мысли, высказанные в изданной в Казани в 1921 г. брошюре «Кризис исторической науки», заглавие которой ясно характеризовало положение отечественной историографии.

Заключение

Одной из вероятных причин неудачи Н.И. Кареева в издании своего курса стали как идеологические изменения, так и, возможно, случайный фактор – избранная форма издания его научного труда в виде учебного пособия. В эти годы указанный тип книг подвергался особой цензуре – согласно Постановлению СНК от 2 марта 1922 г. на публикацию учебных пособий требовалось получение особого разрешения из Государственного ученого совета (ГУСа), а их приоритетное печатание сосредотачивалось в Госиздате¹². Новая власть не нуждалась в учебных курсах, содержащих альтернативные теории. На место философии истории и социологии претендовало единственно верное учение, сполна, как верили его сторонники, объяснявшее как природные, так и социальные процессы – диалектический и исторический материализм. Симптоматично, что в 1922 г., когда Кареев потерпел неудачу с публикацией книги, вышло первое издание «популярного учебника» его тезки Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма». 1922 г. стал символической датой («философский пароход») в истории русской культуры, завершившей целую культурную эпоху – Серебряный век, для которой было характерно свое «органическое самосознание» [6]. Исследование Н.И. Кареева принадлежало этой ушедшей эпохе, поэтому в неудовлетворительном исходе дела Кареева тоже был свой символизм.

¹² Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-395. Оп. 9. Д. 280. Л. 2–206.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Методологическое наследие Н.И. Кареева: исследование, подготовка к изданию, комментарии» Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 19-09-00109\19.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project «Methodological heritage Nikolay Kareev: research, preparation for publication, comments», no. 19-09-00109\19.

Литература

1. Долгова Е.А. Из истории издания работы Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук» (1922–1924) // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 239–245.
2. Безлепкин Н.И. Историософская традиция в истории отечественной мысли // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 2. С. 151–164.
3. Мотовникова Е.Н. К истории развития понятия типа (и типологического метода) в методологических работах Н.И. Кареева // Studia Culturae. 2018. Вып. 2 (36). С. 60–70.
4. Куприянов В.А. Россия и Европа в раннем и позднем славянофильстве (А.С. Хомяков и В.И. Ламанский) // Соловьевские исследования. 2018. № 2 (58). С. 21–33.
5. Тихонов В.В. Московская и петербургская школы «русских историков» в контексте дихотомии «Москва-Петербург» (конец XIX – начало XX в.) // Люди и тексты: Исторический альманах. 2012. № 2. С. 344–378.
6. Барышков В. Органическое самосознание культурной эпохи // Философский политологический журнал международного центра изучения русской философии. 2017. Вып. 2. С. 65–76. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.2.6>

References

1. Dolgova E.A. From the History of the Publication of N. Kareev's General Methodology of the Humanities (1922–1924). *Vestnik arhivista*. 2012;1:239-45. [In Russ.]
2. Bezlepkina N.I. Istoriosofskaya tradiciya v istorii otechestvennoj mysli. *Filosofiya i konfliktologiya* 2018;34(2):151-64. [In Russ.]
3. Motovnikova E.N. On the history of the concept of type (and typological method) in the methodological works of N. And. Kareeva. *Studia Culturae*. 2018;2(36):60-70. [In Russ.]
4. Kupriyanov V.A. Russia and Europe in the early and late Slavophilism (A.S. Khomyakov and V. I. Lamansky). *Solov'evskie issledovaniya*. 2018;2(58):21-33. [In Russ.]

5. Tikhonov VV. Moscow and St. Petersburg schools of “Russian historians” in the context of the dichotomy “Moscow-Petersburg”. *Lyudi i teksty: Istoricheskij al'manah*. 2012;2:344-78. [In Russ.]
6. Baryshkov VP. Organic self-consciousness of the cultural era. *Filosofskij politologicheskij zhurnal mezhdunarodnogo centra izucheniya russkoj filosofii*. 2017;2:65-76. DOI: <https://doi.org/10.31119/phlog.2017.2.6> [In Russ.]

Информация об авторах

Алексей В. Малинов, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9; Социологический институт – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия; a.v.malinov@gmail.com

Евгения А. Долгова, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; ГСП-3, 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6; medievalis@list.ru

Information about the authors

Alexey V. Malinov, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; bld. 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, Russia, 199034; Sociological Institute – Branch of the FNISTS RAS, St. Petersburg, Russia; a.v.malinov@gmail.com

Evgeniya A. Dolgova, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, GSP-3, 125993; medievalis@list.ru